ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

У насъ, родившихся когда Грибоѣдовъ написалъ этотъ стихъ, есть въ памяти событія едва успѣвшія обратиться въ преданія, а уже кажущіяся невѣроятными: мы до того успѣли проникнуться преобразованіям, совершающимися въ строѣ ежедневной нашей жизни, они до такой степени были потребны,—что мы освоились съ ними, такъ сказать, наканунѣ того дня, когда они совершились, и мы сами не вѣримъ сегодня тому, что̀, по привычкѣ, мы дѣлали совершенно безсознательно вчера. Юноша, у котораго едва пробивается усъ, съ улыбкой недовѣрія слушаетъ разсказы о томъ, какъ богомольная барыня отправляла сѣчь на съѣзжей двороваго, доставившаго ей въ Москву черствою просвиру, за которою она посылала его верхомъ къ Николѣ на Угрѣшѣ; какъ добродушнѣйшій въ мірѣ помѣщикъ также приказывалъ сѣчь крестьянъ, которые недовольно усердно выплясывали на устроенномъ для ихъ же потѣхи сельскомъ праздникѣ. Юноша этотъ осмѣлится громко высказать сомнѣніе, когда ему скажутъ, что еще существуетъ въ подвалахъ одной изъ городскихъ думъ Россійской имперіи, такъ называемая «*Моховая*» т. е. покрытый плѣсенью и мохомъ подземный казематъ, въ которомъ въ то недавнее время, когда этотъ юноша уже явственно выговаривалъ «папа» и «мама», приковывались по единоличному и никѣмъ никогда не обжалованному отеческому приговору городскаго головы, купцы и мѣщане за *домашнія* вины: за нетрезвое поведеніе, за неповиновеніе родителямъ, за драку съ семейными, за непочтеніе къ старшимъ. А если этому юношѣ разсказать, что въ повѣсти «*Дубровскій*» портретъ Троекурова списанъ Пушкинымъ съ натуры *), что у этого богача-помѣщика, названнаго Троекуровымъ, однажды становой приставъ, привезшій изъ земскаго нижняго суда не удостоившуюся его одобренія бумагу, былъ посаженъ на цѣпь въ подвалъ на хлѣбъ и на воду,—тогда, пожалуй, юноша зальется такимъ смѣхомъ, какимъ мы не смѣялись даже при разсказахъ о походѣ лодокъ Олега на колесахъ, съ распущенными парусами, къ Царьграду, *по суху, аки по морю!*

Да что говорить объ юношахъ! Намъ нѣтъ еще и полувѣка, сѣдина еще кое-гдѣ только пробивается въ волосахъ, которые спереди довольно прилично скрываютъ оголенную макушку,—а и намъ не вѣрятся и кажутся удержавшимися въ нашей памяти изъ нянюшкиныхъ сказокъ командныя слова:—«Смотри веселѣе!... Больше игры въ носкахъ... Прибавь чувства въ икры!»—А развѣ не въ очію передъ нами совершалось, что, на такъ называемыхъ *репетичкахъ* разводовъ, измученные долгимъ ожиданіемъ, валившіеся подъ грузомъ ранца, подавленные тяжестію туго набитаго кивера съ колыхаю-

---

*) Съ Рязанскаго помѣщика Измайлова.

*

щимся отъ вѣтра почти аршиннымъ султаномъ, затянутые до удавленія туго застегнутымъ воротомъ и скрещенными на груди ремнями, солдаты въ точности исполняли эти команды: смотрѣли веселѣе, придавали игрыноскамъ, чувства икрамъ, зная, сердечные, что кто этого не исполнитъ, отправится, какъ говорили въ то время, «куда Макаръ телятъ не гонялъ»!— мѣсто, сдѣлавшееся въ настоящее время также неизвѣстнымъ.

Замѣчательно, что солдатъ всему этому покорялся и покорялся безропотно, даже съ любовью, когда требованія эти дѣлались командиромъ, котораго онъ любилъ, въ которомъ видѣлъ начальника достойнаго себя, дѣлившаго съ нимъ холодъ и голодъ, готоваго положить животъ за честь Русскаго знамени. «Для милаго дружка и сережку изъ ушка!» говорили гусары, когда Кульневъ приказомъ запретилъ своимъ солдатамъ носить серьги, и никто не подумалъ роптать на причуду любимаго командира: солдаты ропщутъ только на Нѣмцевъ, а *Нѣмцами* зовутъ они и Русскихъ, которые не умѣютъ говорить съ ними. Принца Евгенія Виртембергскаго, хлебавшаго кашицу изъ артельнаго котла, Карла Ивановича Бистрома, который впереди своихъ егерей бросался на непріятеля, ни одному солдату и въ голову не приходило называть *Нѣмцами*.

Но даже и въ этихъ Нѣмцахъ, весьма нерѣдко Русскихъ, Русскій солдатъ всегда умѣлъ уважать два качества: храбрость и справедливость. Юридическія понятія у Русскаго мало развиты, и онъ не умѣетъ соразмѣрять наказанія, но цѣнитъ нелицепріятность въ наказаніи: наказаніе можетъ быть жестоко, но, пока оно одинаково-безразлично для каждаго, Русскій ему спокойно подчинится.

Лицо, къ которому относятся нижеслѣдующіе два разсказа, былъ изъ Нѣмцевъ въ сейчасъ указанномъ смыслѣ. Чисто Русскій по имени и происхожденію, Русскій помѣщикъ, перенесшій помѣщичьи привычки въ полкъ, лицо это не умѣло говорить сердцу солдатъ, но было честно въ отношеніи къ нимъ: солдатъ зналъ, что одинаково-строго командиръ накажетъ каждаго ослушника; солдатъ видѣлъ, какъ командиръ этотъ, несмотря ни на какую опасность, стоялъ всегда впереди на самомъ опасномъ мѣстѣ; слышалъ, какъ самъ-четвертъ, съ тремя казаками, отрѣзанный отъ своего отряда, онъ прорубился черезъ непріятельскую цѣпь и одинъ прискакалъ назадъ, и не смотря на педантство, на придирчивость, на жестокость этого командира, солдатъ чтилъ въ немъ безпристрастіе, чтилъ въ немъ отвагу воинскую, и все таки звалъ его «*Нѣмцемъ*».

Объ этомъ-то командирѣ существуютъ преданія, которыя кажутся въ настоящую минуту невѣроятными; но истинность приводимыхъ здѣсь разсказовъ не подвержена сомнѣнію. Первый изъ нихъ не можетъ быть безъизвѣстенъ многимъ слышавшимъ разсказы участниковъ войны 1813 года; оставшіеся въ живыхъ бывшіе въ двадцатыхъ годахъ субальтернъ-офицерами въ томъ полку, гдѣ случилось послѣднее событіе, едва ли могли его забыть: лѣтъ тридцать тому назадъ оно еще жило въ памяти каждаго офицера этого полка.

Имени командира выставить невозможно: его сынъ еще живъ, а неотрадно сыну встрѣтить имя отца, запятнанное преданіемъ о жестокости; притомъ и самая память командира заслуживаетъ уваженія. Онъ болѣе полувѣка съ честію носилъ Русскій мундиръ, честно и добросо-

вѣстно занималъ многія важныя государственныя должности и сошелъ въ могилу, окруженный если не любовію всѣхъ его знавшихъ, то во всякомъ случаѣ уваженіемъ, въ которомъ не могли ему отказать даже злѣйшіе его враги.—По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ въ разсказахъ имя его опущено, и онъ названъ просто *командиромъ* безъ означенія двухъ полковъ, которыми онъ командовалъ,— однимъ въ 1813-мъ, другимъ—въ 1822-мъ году. Разсказы эти характеризуютъ не личность самаго командира, а эпоху, когда могли существовать подобные командиры; но такъ какъ оба разсказа касаются страшнаго наказанія *сквозь строй*, увѣковѣчившагося въ памяти народной подъ названіемъ *Зеленой улицы*, то неизлишне предпослать имъ еще разсказъ о томъ, какъ производилось это наказаніе. Этому разсказу придаетъ особенный интересъ то обстоятельство, что онъ, сколько память могла удержать, дословно приведенъ изъ устъ одного изъ коренныхъ Аракчеевскихъ солдатъ Новгородскаго военнаго поселенія, поселенія, гдѣ, какъ слишкомъ извѣстно, система тѣлесныхъ наказаній была доведена до непонятной нынѣ степени утонченности.

«Поставятъ насъ, бывало, въ два ряда, да и ведутъ провинившагося; а прежде—виноватъ, было забылъ—каждому принасутъ розгу, то есть оно только званіе что розга,— хворостина потолще, пожалуй, мизинца будетъ, да къ тому еще ровная такая и гибкая - прегибкая, такъ что уже вся какъ есть при ударѣ на спинѣ отлѣпится, а не то что въ одномъ мѣстѣ прихватитъ, а другое минуетъ. Какъ станутъ въ двѣ шеренги солдатики, вотъ ихъ и заставятъ надъ головой нѣсколько разъ этими самыми розгами помахать: для того: нужно знать, хорошо ли онѣ гнутся и вѣренъ ли взмахъ; иная еще и до спины не дойдетъ, а ужь переломится, — значитъ не годится; ну, и перемѣняй за̀годя. Вотъ это, какъ станутъ всѣ на мѣста, смирно, и приведутъ виноватаго; а приведутъ его такъ: руки у него привязаны къ прикладу ружья, а другой конецъ ружья у штыка держатъ два дюжіе солдатика: ихъ уже это дѣло тащить его, коли упрямится впередъ идти, или наваливаться на ружье, коли больно заторопится; для того — нужна въ ходу соразмѣрность, иначе весь порядокъ разстроится, потому что, при неровномъ ходѣ, тѣ, кто въ шеренгахъ стоитъ, розмаха порядочнаго имѣть не могутъ, — значитъ и ударъ неполонъ будетъ. Коли мало ударовъ, да парень попадется фарсистый, пожалуй и всю улицу на ногахъ пройдетъ; а то зачастую, половину пройдя, свалится, и его не то на скрещенныхъ ружьяхъ привязаннаго понесутъ (носилки не запомню, чтобы употреблялись), а не то одинъ изъ солдатъ на своей спинѣ до конца наказанія протащитъ. Бывало и такъ: коли не въ моготу, такъ отнесутъ въ лазаретъ, да какъ залечится спина, опять выведутъ доканчивать; только это рѣдко, потому что хорошій командиръ каждаго солдата натуру знаетъ; сколько кто ударовъ вытерпитъ, а коли кому опредѣлитъ ихъ не въ мѣру—значитъ тому смерть: мертваго на салазкахъ протащить велитъ, а что̀ кому ассигновано, такъ тому и быть!

«Да и наказывать-то не легко было: взмахивать нужно игриво, попасть мѣтко и розгу держать не такъ, чтобы въ рукѣ свободна была, а большимъ перстомъ придерживать, чтобы въ ударѣ форсъ былъ. Товарищу тутъ поволить не приходилось, да и не до жалости, какъ знаешь, что за

шеренгами фельдфебель съ мелкомъ ходитъ: взмахъ ли не хорошъ, розга ли не придержана, ударъ ли коротокъ пришелся—разомъ на спину мелкомъ крестъ поставитъ. Бывало, всѣмъ, кажись, угодилъ начальству, а кончится сѣкуція, обернешься спиною къ сосѣду, спросишь: «крестъ есть?» — «Есть», скажетъ; ну, и знаешь, что самому наказанія не миновать.

«Бывали командиры лютые. Помню такого, — большой былъ шутникъ: вздумалъ фельдфебель почеловѣколюбствовать. идетъ за шеренгой, да ни за какую промашку креста и не ставитъ, а того и не чуетъ, что командиръ-то, за нимъ крадучись, самъ съ мелкомъ идетъ; кончилась сѣкуція—смотримъ у насъ ни у кого крестовъ нѣтъ, думали уже расходиться, только командуетъ командиръ: «Стой!— Фельдфебель, обернись!» Какъ обернулся, а у него вся спина въ крестахъ; тутъ же его сердечнаго разложили, да и наказали, да наказали-то такъ, что прямо пришлось свезти въ лазаретъ. Какъ выписали его оттуда, похаркалъ онъ съ мѣсяцъ, не то съ два кровью, да вскорѣ Богу душу и отдалъ; а все за свою глупость,—значитъ не добродушничай, а норови дѣлать какъ начальствомъ приказано!»

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пишущій эти строки слышалъ этотъ разсказъ; но изъ подобныхъ разсказовъ во всю жизнь слова не забудешь, и теперь, когда, болѣе тридцати лѣтъ спустя, они впервыя укладываются на бумагу, въ воображеніи возникаетъ изможденный образъ Аракчеевскаго солдата, сознававшаго справедливость казни фельдфебеля, засѣченнаго за то, что *добродушничалъ*; слышится его старческая рѣчь, прерываемая чахоточнымъ кашлемъ, послѣдствіемъ его прогулокъ по Зеленой улицѣ. Бѣдный, неразумный Салтычовъ! Да простится тебѣ безграничнымъ Милосердіемъ безсознательная жестокость, которую ты принималъ за исполненіе своего долга, которая казалась тебѣ обязанностію передъ твоимъ начальствомъ, передъ твоимъ Отечествомъ!

Вотъ что значило во время оно прогнаніе сквозь строй, вотъ что значило *пройтись по Зеленой улицѣ*!

Послѣ этого поясненія, приступимъ къ разсказамъ о двухъ событіяхъ изъ жизни одного и того же командира.

I.

Въ 1813 году, по переходѣ нашихъ войскъ за границу, отданы были приказанія о строжайшемъ соблюденіи дисциплины между солдатами: за всякое своевольство, за всякую обиду жителямъ Нѣмецкихъ провинцій, въ которыя вступали наши отряды, сулилось начальствомъ неминуемое наказаніе по всей строгости полеваго суда. Признаться, и поводовъ къ ссорамъ съ Нѣмцами не было: встрѣчая насъ избавителями отъ ненавистныхъ Французовъ, Нѣмцы оказывали намъ возможное гостепріимство; случалось, правда, что, при выступленіи проходящаго отряда, иной Нѣмецъ-хозяинъ не дочтется на своемъ дворѣ то поросенка, то куренка, то иной живности, но рѣдко кто за это взыскивалъ, сознавая, что какъ же взыскивать на проголодавшемся, плохо одѣтомъ, еще хуже обутомъ солдатикѣ за то, что онъ не устоялъ противъ искушенія— полакомиться даровщинкой! Вообще, можно сказать, что жалобъ на солдатъ не было, а когда и случались, то обходилось безъ наказанія; до наказаній вообще тогда командиры были не совсѣмъ охотливы:

ни для кого въ то время не было тайной, что командиры, слывшіе у солдатъ черезчуръ *лютыми*, частенько выбывали изъ строя при встрѣчахъ съ непріятелемъ, и раны-то на тѣлахъ ихъ не всегда находили спереди: случалось, что пули попадали имъ и въ затылокъ.

Нашъ командиръ былъ педантъ въ полномъ смыслѣ этого слова: никакое приказаніе начальства у него не считалось мертвою буквою; никогда не поднималъ онъ голоса, никогда не поддавался увлеченію, все у него дѣлалось по темпамъ, да и говорилъ-то онъ по темпамъ; но его размѣренной рѣчи солдаты боялись пуще, чѣмъ порывовъ гнѣва самаго бѣшенаго начальника, и никогда не смѣлъ никто ослушаться приказанія, переданнаго этимъ тихимъ, обдуманнымъ голосомъ, страшнымъ именно по своей тихости и обдуманности. Этого командира, разумѣется, солдаты не любили.

Случилось однажды нашему отряду имѣть ночевку въ одномъ Прусскомъ селеніи. Командиру отведено было помѣщеніе на самомъ краю селенія. Просто ли не спалось ему, или изучалъ онъ на топографической картѣ мѣстность, которую ему придется проходить завтра, только слышитъ онъ, уже за полночь, женскій крикъ неподалеку отъ дома; подошелъ къ окну,— видитъ, что съ однимъ изъ его солдатовъ барахтается какая-то Нѣмка: живность ли какую онъ у нея отнималъ, или склонялъ къ эротическимъ забавамъ (что̀ также на походѣ случается), но дѣло въ томъ, что слышанный крикъ происходилъ отъ Нѣмочки. Командиръ подозвалъ виноватаго солдата (солдатовъ своихъ онъ зналъ всѣхъ до единаго), спокойно спросилъ его: знаетъ ли онъ приказъ объ избѣжаніи всякихъ ссоръ съ обывателями, отечески объяснилъ ему, что невозможно обижать союзниковъ и приказалъ отправиться подъ часы.

При утреннемъ рапортѣ объявленъ дальнѣйшій походъ, назначены для посылки впередъ квартирьеры; при докладѣ объ арестантѣ велѣно ему слѣдовать въ вагенбургѣ.

Дорога нашему отряду шла лѣсомъ, въ срединѣ котораго была довольно гладкая поляна. Дошли мы до нея; скомандованъ привалъ; ружья велѣно составить въ козлы. Между тѣмъ, командиръ подозвалъ дежурнаго по отряду, велѣлъ ему отобрать нѣсколько піонеровъ съ заступами и, когда они собрались, самъ повелъ ихъ къ опушкѣ лѣса и велѣлъ рыть яму, между тѣмъ какъ остальнымъ становиться въ двѣ шеренги, запасшись шпицрутенами. Когда все было исполнено, тогда только командиръ приказалъ привести вчерашняго арестанта и, разсказавъ офицерамъ его проступокъ, велѣлъ гнать его сквозь строй.

Едва ли найдется человѣкъ, у котораго нервы довольно одеревенѣли, чтобы хладнокровно присутствовать при томъ, какъ гоняютъ сквозь строй: при маломъ числѣ ударовъ наказаніе производитъ дѣйствіе сильнаго слабительнаго, при большомъ—летятъ со спины клочья кожи и мяса, и извергаются потоки крови! Зрѣлище это либо остервеняетъ человѣка, либо одуряетъ всѣ его понятія.

Арестантъ кончилъ свое шествіе: «Веди назадъ!» раздался голосъ командира «Онъ не можетъ идти!» — «Тащи его!» «Не отвѣчаю за жизнь!»—сказалъ докторъ, щупая пульсъ.—«Исполнять, что̀ приказано!» отвѣчалъ командиръ.

Несчастнаго понесли назадъ: послѣдніе удары пали на его уже бездыханное тѣ-

ло!—«Умеръ»!—рѣшилъ докторъ, по окончаніи обратнаго шествія. Тогда командиръ приказалъ снести тѣло къ вырытой ямѣ, снявъ фуражку, скомандовалъ: «на молитву», велѣлъ опустить тѣло, сотворилъ предъ нимъ земной поклонъ и, бросивъ на него первую горсть земли, отошелъ въ сторону. Потомъ, когда надъ погребеннымъ возвысился могильный курганъ, онъ велѣлъ барабанщикамъ бить походъ, сѣлъ на лошадь, скомандовалъ: «Стройся повзводно! — Господа офицеры по мѣстамъ!—Маршъ!» и тихо, въ головѣ всего отряда, поѣхалъ впередъ.

Мы были въ какомъ-то отуманеніи чувствъ; намъ не вѣрилось, что солдатикъ, дѣлившій съ нами полчаса тому назадъ всѣ трудности похода, переживившій столько сраженій заодно съ нами, еще вчера спутникъ нашъ въ радости и въ горѣ, оставленъ нами гдѣ-то... тамъ, на опушкѣ какого-то лѣса, нами засѣченный, нами зарытый, нами закиданный чужою Нѣмецкою землею. А передъ нами, въ виду всѣхъ, медленно двигалась высившаяся на конѣ мрачная фигура командира: и хоть бы разъ повернулся онъ назадъ, а то даже во весь путь и не посмотрѣлъ па насъ, какъ бы не удостоивая подозрѣвать, что его затылокъ можетъ служить вѣрнымъ прицѣломъ для первой шальной нули, пущенной негодующимъ товарищемъ засѣченнаго.

Что́ чувствовалъ командиръ, что чувствовали прочіе—не знаю! Знаю только, что пришедши на ночлегъ, не смотря на усталость, я не могъ во всю ночь глазъ сомкнуть отъ *раскаянія*; я чувствовалъ себя соучастникомъ въ *убійствѣ* несчастнаго, который покорился своей участи, даже не произнеся мольбы о своемъ помилованіи!

Въ эту кампанію командиру не пришлось болѣе наказывать въ нашемъ отрядѣ: поведеніе солдатъ было рѣшительно безукоризненно; до сдачи имъ командованія отрядомъ не было ни одного проступка противъ дисциплины: убійство бѣднаго солдата утвердило примѣрный, или вѣрнѣе безпримѣрный, порядокъ во всѣхъ его товарищахъ.

Но не безпримѣрна ли была и жестокость!

II.

Служака, скажу вамъ, я былъ въ полку не послѣдній! Шагистику всю и фрунтовистику, какъ есть, поглотилъ цѣликомъ! Бывало, церемоніальнымъ маршемъ передъ начальникомъ проходишь, такъ всѣ до одной жилки въ тѣлѣ почтеніе ему выражаютъ; а о правильности тéмпа въ шагѣ, о плавности поворота глазъ на-право, налѣво, о бодрости вида—и говорить нечего! Идешь это передъ ротою, точно одно туловище съ ногами впередъ идетъ, а глаза-то такъ отъ генерала и не отрываются! Самъ-то все впередъ идешь, а лицомъ-то все на него глядишь! Со стороны посмотрѣть, истинно думаю, должно было казаться, что голова на пружинѣ: нѣтъ-нѣтъ, да лицомъ на затылокъ перевернется!

А нынче что? Ну кто нынче ухитрится ногу съ носкомъ въ прямую линію горизонтально такъ вытянуть, что носокъ такъ тебѣ и выражаетъ, что, вотъ молъ, до послѣдней капли крови готовъ за Царя и Отечество животъ положить!

А хоть служакой и былъ я хорошимъ (то-есть, такимъ, что безъ хвастовства сказать, въ полку другаго такого при мнѣ и не было), а какъ, бывало, подходитъ время къ инспекторскому смотру, такъ сердце не на мѣстѣ.

Оно не то, чтобы по хозяйству страшно было: вѣдь это только на бумагѣ писалось, что инспектированіе, дескать, должно удостовѣрять, что солдаты все, имъ отъ казны положенное, получаютъ; солдатъ почему знаетъ, что̀ ему отъ казны положено? Да и не дуракъ солдатъ, чтобы сознаться, что, за недостаткомъ дровъ въ казармахъ, онъ у сосѣдей заборъ раззорилъ, или что себѣ въ щи цѣлой ротой у огородника нѣсколько грядъ капусты, или картофеля повыкопалъ; солдатъ всякій знаетъ, что «доносчику первый кнутъ»; да и то ему вѣдомо, что грабить и съ голода не позволено. Къ тому же дѣло и начальству было не безъизвѣстное. что только съ дровъ, да съ припасовъ, да съ аммуниціи полковой командиръ доходъ и наверстаетъ: иначе и извернуться съ коммисаріатомъ было бы ему нечѣмъ.

Нѣтъ, на счетъ экономіи можно было быть совершенно спокойнымъ: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Попался, правда, разъ одинъ полковой комадиръ на крагахъ,—уволили отъ полка, да ужъ больно хитрую штуку выдумалъ.

Вы, молодежь, небось нынче и не знаете: что это и за *краги* такіе были? А это, видите ли, были голенища кожаныя, которыя надѣвались сверхъ брюкъ, съ застежками по бокамъ. За кожу на нихъ, да на шитье, да и за пуговицы отпускались деньги, которыя, разумѣется, прямо отправлялись командирамъ въ карманъ; а солдатики, знай себѣ, старыя краги донашивали: ваксой натрутъ—за новыя идутъ. Только однажды инспекторскій смотръ: хвать, хвать! а на старыхъ-то крагахъ кожа до того перегорѣла, что пуговицы не держатся. Только голь хитра на выдумки: соорудили краги изъ сахарной бумаги, ваксой натерли—словно зеркало блестятъ! Такъ бы и сошло. Надобно же случиться бѣдѣ! Инспекторъ ли новый попался больно ретивый, измѣна ли какая случилась, только открылась вся штука! Командиру, разумѣется безъ огласки, велѣли выйти въ отставку, да вслѣдъ за тѣмъ (спасибо ему, доброму человѣку) и самыя краги отмѣнили. Хорошо что отмѣнили, а то, бывало, краги застегивать—пребѣдовая коммиссія!

Такъ вотъ, я говорилъ, по хозяйству инспекторскихъ смотровъ бояться было нечего: безъ слѣдствія всякому солдатскому заявленію не повѣрятъ же; а слѣдствіе зачнется тѣмъ, что заявителя-то засадятъ подъ часы, да на хлѣбъ-на воду, да аудиторъ такъ засудитъ, что его же раба Божьяго за ложный доносъ безъ выслуги запишутъ въ линейный какой нибудь баталіонъ, а на дорогу еще всыплютъ нѣсколько сотенъ.

Страсть-то не въ этомъ, а въ *бодромъ видѣ* солдатъ, да въ пригонкѣ на нихъ аммуниціи. Бѣда это, бывало, съ ремешками, да съ репейками, да съ помпонами, да со всѣмъ инымъ прочимъ. Ну, куда за всѣмъ углядѣть! Всякая-то вещь отдѣльно—пустякъ! а за эти-вотъ за самые пустяки, хорошо коли только гауптвахтой отдѣлаешься, а не то иной разъ и въ гарнизонъ угодишь.

Нашъ командиръ ужъ очень хорошо это понималъ, и меня, спасибо ему, по достоинству цѣня, многому-таки понаучилъ. Однимъ упрекнуть можно, педантъ былъ, все бывало твердитъ: «что̀ солдату назначено, то ему и отпускай; взыскивай съ него должное, да и отпускай должное». Насчетъ взысканія оно вѣрно, а на счетъ отпуска онъ ошибался: отпусти солдату что̀ положено, все онъ истратитъ; сколько хочешь не додай, будетъ на томъ доволенъ; отпусти лишнее—тоже ничего

не оставитъ. Такая ужъ у него солдатская натура!

Да ужъ нечего говорить—чудакъ былъ командиръ! Другіе командиры только думали какъ бы смотръ съ рукъ сбыть, а онъ, все время командованія нашимъ полкомъ, завелъ, чтобы каждый разъ передъ инспекторскимъ смотромъ *репетичка* была; смѣшно сказать--самъ себя инспектировалъ! Жутко приходилось солдатамъ выстаивать эти репетички, да и намъ, офицерамъ, сокомъ онѣ доставались,—пожалуй, солонѣе самаго смотра приходились, потому что на смотру инспектирующій генералъ обойдетъ ряды, иной разъ для приличія, то-есть больше для острастки, придерется къ какимъ-нибудь пустякамъ, опроситъ солдатиковъ: «Всѣмъ ли довольны?» «Всѣмъ довольны, ваше превосходительство!» «Все ли получаете?» «Все получаемъ ваше превосходительство!» Случилось разъ — забавникъ попался инспекторъ,—спросилъ: «А сахарными пирогами командиры кормятъ?» «Кормятъ ваше превосходительство!» — Потому что солдаты пріучены были послѣднее генеральское слово дружно подхватывать. Пропуститъ потомъ церемоніальнымъ маршемъ пройти, да и вся недолга! Ну, разумѣется, коли на маршѣ пуговица у солдата отлетитъ, либо кутасы на киверахъ въ шеренгѣ не въ одинъ размѣръ шевелятся, либо какой помпонъ изъ общей линіи выскочитъ взадъ или впередъ, опустится ниже или поднимется выше, тогда виноватому, извѣстно, что̀ слѣдуетъ ему, назначать, да и отдѣленный, зачастую ротный, а иной разъ и баталіонный—гауптвахты не минуютъ. Да вѣдь это случай; ну, а за всякимъ случаемъ не угоняешься!

А ужь на репетичкахъ случаевъ не бывало: тутъ все на чистоту открывалось. Выведутъ спозаранку назначенный на репетичку баталіонъ, соберетъ около себя командиръ всѣхъ офицеровъ, да и станетъ по-одиночкѣ каждаго солдатика выкликать, да разсматривать—душу всю этимъ осмотромъ вытянетъ! Сперва оружіе осмотритъ, киверъ скинетъ и, Боже упаси, коли какая въ немъ лишняя дрянь, трубка что̀ ли, или рожокъ съ табакомъ, запихана — не терпѣлъ онъ табаку, даже мы его за это раскольникомъ между собою прозвали; а тамъ за ранецъ примется; да ужъ въ конецъ концовъ мундиръ и брюки осматривать станетъ; да вѣдь какъ осматривалъ! Пальцы между пуговицъ пропихиваетъ, между зобомъ и воротомъ суетъ, иной разъ велитъ разстегнуться, да показать, не грязна ли рубашка, и во все это время для нашей науки причитываетъ, что солдатъ долженъ заботиться о чистотѣ, что Царемъ данное оружіе лелѣять слѣдуетъ, что военному человѣку отнюдь не нужно приставать къ такимъ привычкамъ, которымъ на походѣ удовлетворять нельзя, что онъ долженъ пріучаться и къ холоду, и къ голоду, и къ лишеніямъ, и къ терпѣнію; и все это приговариваетъ не торопясь, тихо, съ разстановками.

А мы-то̀ стоимъ, бывало, около него, да слушаемъ, да не дождемся: скоро ли кончитъ онъ вычитывать свои рацеи, да насъ портняжьему искусству научать, да отпуститъ насъ водочки выпить и, чѣмъ Богъ послалъ, закусить.

Впрочемъ, намъ-то еще съ полгоря; а жалко, бывало, солдатиковъ. Еще хорошо, коли скомандуетъ: «ружья *къ ноге*!» стоять *вольно*»; но иной разъ забудетъ что̀ ли, а не то, пожалуй, и не безъ умысла, начнетъ онъ свой осмотръ послѣ команды: «*на плечо*», да не скомандуетъ: «*къ ноге*»; такъ и выстаивай—сердечные солдатики—

неподвижно, вытянувшись въ струнку, съ ружьями подъ прикладъ, часа два, не то три, а забывшись и больше, пока не отпуститъ наши души на покаяніе!

Вѣкъ буду жить, а въ вѣкъ не забуду что̀ на одной такой репетичкѣ смотра случилось. Скомандовалъ командиръ «*къ ногѣ*», да и началъ осмотръ; смотритъ часъ, смотритъ другой; вдругъ слышитъ (а командиръ страшно на ухо чутокъ былъ) въ задней шеренгѣ вздохнулъ солдатикъ очень глубоко, да въ полголоса, должно быть въ забытьѣ, проговорилъ очень жалобно: «Охъ! Охъ! Охъ!» Повернулся командиръ: «Кто тамъ вздохнулъ? говоритъ, выходи!» Вышелъ солдатикъ: «Что? спрашиваетъ тихимъ голосомъ, усталъ братецъ?» А тотъ съ дуру-то и брякнулъ: «Виноватъ, ваше превосходительство,—усталъ!» «Отчего же ты, возразилъ командиръ, усталъ? А я, говоритъ, твой полковой командиръ, да и всѣ эти (на насъ показываетъ) господа офицеры, твои командиры, не устали? Ты, говоритъ, въ полной формѣ, и мы также въ полной формѣ, да и я, да и они всѣ въ полной формѣ (про ружье, да про ранецъ не упомянулъ). Вѣдь и наше, говоритъ, дѣло не легкое: ты, вотъ, за себя одного отвѣчаешь, а мы за васъ, за всѣхъ, передъ Царемъ, да передъ Отечествомъ отвѣчаемъ. Ты, говоритъ, знаешь ли долгъ свой? Отвѣчай—знаешь ли?» Ну гдѣ же солдату отвѣчать?—Извѣстное дѣло, отвѣчаетъ: «Виноватъ, ваше превосходительство!» «Я знаю, что виноватъ; но въ чемъ виноватъ? Вотъ я тебѣ растолкую, въ чемъ ты виноватъ».... и пошелъ толковать ему (понимается, больше намъ, офицерамъ, въ урокъ), что долгъ воина—повиновеніе, лишеніе, терпѣніе, и все въ этомъ тонѣ. Кончилось, разумѣется, наказаніемъ; да наказаніе то ужь больно видно, жестоко было: какъ наказали солдатика, такъ въ лазаретъ полковой снесли; полежалъ онъ тамъ много времени ничкомъ и какъ его ни лечили, а пришлось за неспособностію изъ службы выписать. Ходилъ у насъ въ полку слухъ, что командиръ самъ не разъ къ нему въ лазаретъ захаживалъ, а какъ на родину отпустили, такъ и пенсію ему по самую смерть опредѣлилъ. Кто тому вѣрилъ, кто не вѣрилъ, а иные говорили, что высшее начальство съ тѣмъ уговоромъ только командиру и взысканія никакого за наказаніе не сдѣлало. Да кто его знаетъ, онъ и самъ такой чудно̀й былъ: можетъ-быть, просто отъ себя наградилъ за то, что солдатикъ не могъ больше службу продолжать. А впрочемъ и то — правду надобно сказать—солдатикъ-то, самъ по себѣ, ледащій былъ!

Съ тѣхъ поръ въ нашемъ полку никакого баловства въ строю больше не было: хоть сутки простоитъ солдатъ съ ружьемъ, подъ прикладъ ли, къ ногѣ ли, а ужъ не охнетъ! Да что̀ и говорить — не случись Турецкой кампаніи и оставайся у насъ прежній командиръ, первымъ бы въ войскѣ полкомъ по выправкѣ былъ. Ну, а объ войнѣ, извѣстное дѣло, тѣмъ, кто умнѣе меня, сказано, что «война солдатъ портитъ».

А все таки скажу—сильное ощущеніе производитъ инспекторскій смотръ; но не въ примѣръ сильнѣе производили *репетички* этихъ смотровъ, которыя завелъ у насъ этотъ командиръ; здоровая моя натура, а не дай Богъ на ночь объ нихъ вспомнить; то-есть честью вамъ клянусь: попадись въ наше время какой нибудь офицерчикъ съ нынѣшнимъ слабонервіемъ— и Боже упаси!... бѣжалъ бы изъ полка!

Невѣроятно, не правда ли? а между тѣмъ эти разсказы—не сказки, а были.

Да, истинныя были и были столь недавнія, что онѣ остались въ памяти людей, еще живыхъ, еще не совершенно старыхъ; а между тѣмъ, онѣ уже обратились въ какія-то чудовищно-невѣроятныя преданія. Возблагодаримъ же Провидѣніе за то, что такое *минувшее* прошло безвозвратно, за то, что *настоящее* сдѣлало это минувшее впредь невозможнымъ, и будемъ ожидать *будущаго* еще болѣе блистательнаго, которому это настоящее служитъ вѣрнымъ залогомъ.

19 Февраля
1871